

В. Кантур

Странные куклы

12+

Владимир Николаевич Кантур

Странные куклы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63484258

SelfPub; 2020

Аннотация

Маленький городок. К главному герою попадают магические куклы, с помощью которых он очищает городок от коррупции. Меня обстоятельства, он меняется сам.

Владимир Кантур

Странные куклы

...А прихоти твои нельзя нам исполнять;

Да, между нами ведь признаться,

Коль ты имеешь право управлять,

Так мы имеем право спотыкаться.

И можем иногда, споткнувшись —

как же быть, —

Твое величество об камень расшибить.

Д. Давыдов

1

Городок у нас маленький. Скучный. Бандиты, из тех, кто выжил, стали с ленцой. Возраст, наверное. Полиции ловить некого. Отношения с бандитами давно определены, и, похоже, они устраивают все стороны. Власть набирается из тех и других. Я не знаю, как они договариваются, но интереса это выяснять, у меня нет. Конечно, время от времени появляются залётные представители каких-то партий и пытаются организовать себе у нас место работы, но, думаю, живут они в нашем городе поступлениями из их центра. Народ у нас интересующийся, но не настолько, чтобы кого-то содержать

за свой счёт.

Перспектив с работой – никаких. Уже пошёл первый год нового века, а жизнь после распада страны так и не меняется. Один завод ЖБИ от времён СССР, плюс отдельные цеха, обслуживающие оборудование завода, ну, и всякие мелочи, типа шиномонтажа и кафешек, открытых родственниками бандитов и силовиков.

После школы – безвременье. Закончил я школу неплохо. Учителя у нас были въедливые. Атмосфера школы, как я понимаю, осталась надсадно-требовательной со времён Союза. Бывшие ученицы, отучившись в больших городах, возвращались опять в нашу школу, окунались в её атмосферу, и начинали считать, что если они поступили в институт, закончили его и устроились на работу, то, значит, учили их правильно, и надо продолжать учить так же, как учили их самих. Наверное, они правы.

Хорошо, что в армии меня послали учиться водилой. Хотя бы, сезонная работа есть. Я человек любознательный, и работа мне нравится. В нашем городке приезжие снимают одно из заводских помещений, и в нём на осенне-летний период устраивают приём ягод и грибов. Я езжу по деревням, скупаю ягоды и грибы у деревенских и привожу их на базу. Со мной ездит один парень из их охраны на случай нападения. Но нападений, пока, не было. Народ знает, что охрана всё равно вытрясет у первого попавшегося местного всю информацию, и налётчикам не поздоровится. Даже до государ-

ства доводить не будут.

2

Эта странная история началась не на выезде, а прямо в городе. После работы по дороге домой я решил зайти купить беляш, и пошёл от нашей базы к центру города, где есть палатки с горячей едой. Улочки у нас, ближе к центру, сплошь из сталинских домов и хрущёвок. Дворы проходные: одно название, что дворы. Шёл. Что-то думал. Увидел, что навстречу мне по противоположной стороне улицы бежит человек. Это был странный человек. Не бомж, но одет он был как-то ненормально. Вроде бы, одето на нём было всё, что нужно, но создавалось впечатление, что это актёр, сбежавший из театра. На бегу развивался плащ, в руке – широкополая шляпа. Да мало ли, кто в чём у нас в лес ходит? Но этот был в городе чужак – точно: чужеродностью от него пёрло на всю округу. За ним бежал круглый полицейский. Вместо того, чтобы запутать толстяка во дворах и схорониться где-нибудь за гаражами, чужак бежал по улице и повернул только на перекрёстке. Вслед за ним старательный полицейский, ничуть его не догоняя, сделал то же самое. Этого кругляша я знал в лицо. Он дежурил на площади возле палаток. На площадь я, как раз, и шёл. Может, там прояснится, что это за побегушки. Странно. Площадь, как всегда, была недвижима в ленивой тишине. Изнывающие от скуки тётки в лотках, листающие журналы. Редкие прохожие. ...Ладно... Ку-

пил беляш с чаем и встал за лоток, организовав себе этим пространство для перекуса. Между лотком и стеной дома на земле лежал ящик чужака. Это сразу было видно. Нету у нас в городе таких людей, чтобы ходить с таким ящиком. Что-то похожее носят художники или рыболовы, но эта штукавана не вписывалась ни в одну из подсобных принадлежностей. Сундучком этот ящик назвать было нельзя. По периметру когда-то лакированных деревянных поверхностей шли деревянные резные накладки. Ничего экзотического в них не было, но они придавали ящику декоративный вид, и было件件, что эта вещь не для хозяйства. К ящику был приделан ремень, на котором он носился, а закрывался ящик на щеколды, какими раньше закрывали двери, только маленькие. Так... чужие вещи я не беру... Если уйду, то кто-то его рано или поздно найдёт и заберёт. Я медленно жевал и ждал, когда ко мне придёт решение. Если чужака повяжут, то за ящиком придёт полиция, и больше этот ящик никто не увидит, включая этого дядьку. Если за ящиком придёт чужак, то раньше, чем через несколько часов этого не случится. Я дожёвывал. Но, посмотреть-то можно?! Я нагнулся и открыл щеколды. Денег и порошков там не было. Это сразу сбило моё напряжение. Там были какие-то куклы царских времён. Почему царских, я сказать не могу: впечатление такое. Может, стилизация. Не знаю. Я захлопнул ящик, закрыл его и стал думать дальше. Зачем он мне? Незачем. Оставить? Заберут. Вышел из-за лотка и обратился к лоточнице.

– Тут я видел, мент кого-то погнал. Мужик платить не хотел, что ли?

– Да, нет. Этот у меня купить чего-то собирался. Пока в вещах ковырялся, Даня со скуки решил у него документы проверить. А этот и припустил.

– С вещами?

– Не поняла. Он в сторону от окна сиганул.

– Дай на чём писать и ручку.

Я написал на подsunутой бумаге свой адрес ручкой, которая только что участвовала в вычислении астрологического теста.

– Если мужик вернётся, пусть ко мне за шмотками зайдёт.

3

У меня внутри в чае плавали куски беляша. Это настраивало на философские размышления. Я шёл домой и думал: зачем я взял эту дрындаду? Для того дядьки это, наверное, семейная реликвия. От нашего города на автобусе до железнодорожной станции недалеко. Заехал по вызову к какой-нибудь умершей двоюродной бабушке, забрал родовую вещь, и добирался обратно к себе. Может, должник, или за что-нибудь в розыске. В собственном благородстве я себя убедил, но всё равно к этому примешивалось и другое. Даже беглого взгляда в ящик было достаточно, чтобы увидеть в открывшемся под крышкой пространстве мир, который совершенно отличался от нашей бытовухи. В этом мире были свои связи.

Не знаю, о чём я говорю, но этот маленький мир был большим... или самодостаточным.

Когда пришёл домой, залез в ванную, а потом пошёл ужинать по-настоящему. Мать оставила. Мать дежурила сменами, а отец повёз продукцию с завода, так что в квартире я был один. Да, если бы и не один, то свой угол у меня есть. Раньше с бабушкой и бабушкой жили. Площадь квартиры позволяет не пересекаться, если не хочется. Пока ел, включил компьютер. Как бы назвать то, что хочу найти? Коллекция кукол? Навылезает всё, кроме нужного. Царские куклы? Царских кукол не бывает. Дореволюционные куклы России? Набрал. Как и ожидал, там вообще про всё. Надо конкретнее.

Я человек начитанный – бабушка постаралась. Она была не из пролетариев. Приехала в наш город по распределению, встретила моего деда и осталась здесь навсегда. Раньше, ведь, не только ЖБИ работал. Как я сейчас понимаю, у неё был в отношениях со мной коронный приём в целях моего самообразования. Когда мы с ней о чём-то спорили, то она, как бы в пылу аргументации, восклицала: «Ты, как Базаров. Отрицаешь очевидные вещи и изобретаешь велосипед». Фраза такого плана внедрялась в середину монолога, и её объяснения вопроса шли дальше. Когда, мне казалось, она забывала о своём высказывании, я у неё спрашивал, кто такой Базаров. Бабушка, не отвлекаясь от своих текущих дел, говорила: «Тургенев. Отцы и дети». По возрасту

я ещё не знал кто такой Тургенев, так как мы в школе его ещё не проходили, и я лез в библиотеку узнавать, как писатель воплотил мою черту характера в своём нетленном произведении. В отличии от многих, у меня сформировался навык чтения, и, с покупкой компьютера, я окунулся в мир, который был мне интересен: компьютер сделал меня не играющим, а исследующим. Вообще-то я хотел поступать учиться дальше перед армией, но первая юношеская любовь сломала эти планы. Не хотел уезжать на четыре или пять лет от своей любви. А, так как, поступать думал на исторический, то ещё и в армии трубить после этого. Данный процесс завершился благополучно, чему поспособствовала армия, и я сейчас совершенно свободен и полон планов на будущее.

4

Ну ладно. Надо исследовать содержимое ящика. Ящик перенёс из прихожей в свою комнату, зачем-то закрыл дверь, поставил его на тумбу у кровати и открыл крышку.

Первое неустойчивое отношение к внутреннему пространству ящика подтвердилось: куклы были действительно очень странные. Ведь, что такое кукла? – образ, который показывает сам себя. Здесь же, никто себя не показывал, а все чего-то хотели. Я не понял, из чего они были сделаны: из папье-маше, крашеного дерева или крашеной глины. Для меня это было не важно. Они все были беспокойны. Пастушок с дудкой вместо того, чтобы, полуприкрыв глаза, вслушивать-

ся в свою мелодию, смотрел прямо перед собой. Собирал стадо? Кого-то завлекал? Женщина с миской на коленях сидела, как будто бы на земле и смотрела вверх, поднимая голову. Нищенка? Так же, поднимая голову, стоял кузнец в фартуке и с молотом на плече, хотя, по идее, должен был смотреть на свои невидимые изделия. Кукла человека в камзоле стояла, разведя в стороны руки от локтей. В одной руке была какая-то шкатулка, а в другой – мешочек с монетами. Что мешочек был с монетами было очевидно: такие мешочки были на рисунках в книгах про пиратов. Что-то предлагал? Или – или? Охотник стоял, опираясь на длинное ружьё. Философ, да и только. С таким же успехом он мог бы опираться на профессорскую кафедру. Путник с коробом за плечами хитро улыбался. Это с коробом-то? Фрейлина в маске держала в руке ещё одну маску на тонкой палке, которую обычно прикладывают к лицу на балах в фильмах. Спасибо, что из декольте ещё одна не торчала. Более-менее вменяемыми были мужик на мешке и военный. Мужик – то ли купец, то ли вор, а вот военный точно был военным. Фигура олицетворяла человека в парадном мундире, и ничего странного в ней не было. Со своей вменяемостью военный выглядел неестественно на фоне остальных фигур, и только добавлял общую сумятицу в эту компанию. Там лежала ещё одна кукла, но это не считается. На обрубок палки была одета женская одежда, и получалась тётка без лица. Эта добавка в коллекцию явно появилась позже, и была не к месту. Куклы объединялись

только стилем: они противоречили друг другу и сами себе своими же образами себя самих. Какой полоумный мог такое изваять? Создавалось впечатление, что кто-то сидел в камере-одиночке, и мастерил фигурки из своих снов. Зачем всё это? Непокой... непокой... Ночью снилась война имперских времён. Чугунные пушки и дым. Я подношу фитиль к затвору. Потом награждение перед строем. Чувство свершений и правильности.

5

На следующий день работал с маетой на душе. Наш город... Безразличие ко всему от безнадёги. Пиво, сериалы, лайки. Думать не о чем – заглушил телевизор. Пикники, зимняя рыбалка. Всё со стаканом. Подальше от этой жизни в свой мир. Для чего всё это? Поступил бы где-нибудь на заочное, отучился и свалил бы отсюда, но зимой только приработок: или водитель на заводе заболел, или автомеханик в запое. Платить нечем. Беспросвет... Куклы сраные.

После ужина достал из ящика вояку. Поваяло готовностью к свершениям и риску. Со стороны спрятанных кукол ощущалось давление... Так. Все места в городе забиты. Вообще все. У бандитов общак. Как поделена область никто не знает. Возможно, оптовые базы на железной дороге держат. Быки больше не нужны: если кого-то нужно опустить, приглашают со стороны. Сейчас надо в документах сообразать.

Я в документах – ноль. В моей фирме таких, как я – каждый первый. Не разговор. Есть риэлтерское агентство. Чем живут – непонятно. Все объявления выкладывают на нашем городском сайте. Может, пенсионеров без интернета ищут? Магазины. Бабы торгуют, мужья возят и грузят. Салоны красоты и прочая мелочь. Бесперспективно. Партии. Никто ничего в этих партиях не смыслит. Откуда у них деньги? С какой должности ставленник партии начинает жить за её счёт? Какая структура?..

– Ну что, вояка? Выясним, как под них подкопаться? Ну, да. А ты, что хотел? Врага нужно знать в лицо.

Я сел за комп. Ответов не было. На форуме увидел фразу: «за такой ответ 10 лет, а за вопрос – 20». Пошёл по обходному пути. Набирал «штатный сотрудник партии», «формы расчёта с сотрудниками». От того, что я нарыл – обалдел.

Снились тягостные сны. Мамзель снимала маски, и под ними оказывались новые с разными цветами и узорами. Я знал, что под очередной маской окажется следующая, но не мог оторваться от её движений, а дама с кокетливой улыбкой снимала, снимала и снимала. От бесцельного мельтешения мутило. Кузнец своим молотом крушил всё вокруг, как скандинавский бог Тор. Была ли у него цель? Казалось, что он расчищал для чего-то место, но сумасшедшие тоже косят траву для посадки НЛЮ. Нищенка, глядя на меня снизу, в тихой истерике спрашивала: «Тебе некуда идти? Тебя

не ждут? Ты сидишь в своей квартире и проклинаешь безвыходность? Это называется безвыходность»? Подразумевалось, что моя ниша – это уровень небожителя по сравнению с её положением. Я видел, как она упивалась своим горем вместо того, чтобы оторвать от себя взгляд, посмотреть вокруг и попробовать что-нибудь изменить. Пастух играл, глядя на меня в упор. Страх гипноза держал тело в напряжении. Фрукт в камзоле протягивал шкатулку мне, и когда я делал движение, чтобы её взять, он прятал шкатулку за спину и протягивал мне с улыбкой монеты. Когда же я, из вежливости, пытался их взять, то повторялось то же, что и со шкатулкой. Путник предлагал мне идти с ним, обещая где-то там прекрасную жизнь, и было видно, что он врёт. Что я ему был нужен для каких-то его скрытых целей. Мужик на мешке оценивал, стоит ли со мной иметь дело. Можно ли меня использовать. Было видно, что он мог дать то, чего мне не хватало, но впоследствии направить меня по узкому пути, о котором я пока не имел представления, так, чтобы потом иметь выгоду для себя. Охотник просто стоял и ждал. Ждал, когда дичь сама выбежит на него, чтобы удобно и без суеты срубить её наповал. По настрою он был сродни хирургу с той разницей, что хирург резал для того, чтобы сохранить жизнь, а этот – для того, чтобы лишить жизни и этим расчистить себе путь в будущее. Снилось что-то ещё, но что – я не запомнил.

Проснулся уставшим и разбитым. На работе медленно приходил в себя, и, вместе с этим, наполнялся чем-то новым. Мне, как будто бы, была показана изнанка жизни, которую раньше я не мог увидеть просто потому, что никто с этой стороны на жизнь не смотрел. Как будто бы куклы олицетворяли собой постыдные, и потому неосознанно заблокированные самим человеком для самого себя механизмы его поведения в жизни. Как только я это понял, чувство маеты, усталости и постыдности прошло. Пришла уверенность, что я всегда это знал, но скрывал от себя для того, чтобы в собственных глазах быть хорошим, а значит, неуязвимым для окружающих. Я соблюдал чужие правила, которые не устанавливал, чтобы тупо выжить. Какая же я овца. Причём, тупая. Механизмы выживания оправданы самим выживанием. Чего же тогда в них постыдного? Всё уже давным-давно вживлено в каждого почти с рождения, и работает само по себе механически. Характер, как повадки животных, диктует стиль жизни. Нет у меня в запасе другого характера. Как же я мог этого не видеть? Появилась внутренняя свобода, позволяющая выходить за грань неосознанных барьеров. Оказалось, что ограничений нет ни в чём, ни по какому поводу. Только я могу ставить ограничения, если они мне нравятся. Мне дороги родные и, в целом, нравятся люди. Это и есть те ограничения, которые не ущемляют моей свободы. Остальное – чушь собачья.

Домино, шахматы, карты и нарды несопоставимы по своим правилам. Тем не менее, любой понимает, что эти игры из одной области. Выигрыш в них зависит от стратегии и тактики. Эти куклы представляли собой уникальную игру. Играть было не с кем и не во что, но отнести их к чему-то другому, кроме этого, я не мог. В ящике жила бригада провокаторов.

Дома включил комп и набрал «магические куклы». Там всё сводилось к тому, что куклы служили сачками для ловли силы. Это и без сайтов каждый ощущал. Похоже, эта бригада наловила силы столько, что её было некуда девать. Поток из ящика преобразовывали меня без моего участия. Чтобы не свихнуться, нужно было, как я понимал, сливать эту энергию наружу. Выбросить этот ящик я был не в силах. У меня в голове уже созрел план действий, и причиной этого плана были куклы.

Так как график работы у меня скользкий, я пошёл в отделение далеко не самой главной партии по адресу, которой нарыл на нашем городском сайте. Их секция, ячейка, или, как их там, находилась в большом купеческом доме на улице, примыкавшей к площади, и занимала комнату на первом этаже. Постучал в дверь. Вошёл. Всё, как принято в таких случаях – за столом на стене – фото президента и лидера партии. В углу Российский флаг, на столе небольшой партийный вымпел и вентилятор. За окном стояла жара. Одежда представителя состояла из шлёпанцев, парусиновых штанов

и светлой рубашки на пуговицах с воротником и короткими рукавами – ёрш представительства с демократизмом. Похоже, что после моего стука представитель прервал какую-то операцию на мониторе. Он привычно заулыбался и показал рукой на стул.

– Присаживайтесь. С чем пожаловали?

– Александр, – ответил я, кивнув.

– Валентин Геннадьевич, ответил он, и откинулся на спинку стула.

Об этом Валентине Геннадьевиче я перелопатил в инете всё, что только возможно. Это был журналист со стажем. После того, как он заработал себе среди своих писак имя, ему удалось убедить руководство этой партии в том, что ей будет выгодно держать журналиста в качестве штатного сотрудника в своём представительстве. Место у нас от центра отдалённое и малоперспективное. Партийцам деньги на ветер выбрасывать не хотелось, и человек, чья профессия создавать шум в одиночку, их устраивала. Они отослали его к нам на высылки с окладом, а он, вместо того, чтобы рысачить по родному краю за материалом для своих статей, сидел у нас в городе в своём кабинете и принимал жалобы недовольных текущим социальным положением дел, для переработки их в литературный материал с позиции платящей партии. Да ещё как журналист подрабатывал. Пока устраивало это всех. Я был уверен, что – пока. Договор был у него с краевой секцией, и любая проверка сверху могла оказаться для него по-

следней. Дело в том, что членов партии не прибавлялось.

– Мне бы хотелось стать членом вашей партии, сказал я. – Я прочитал программу, и согласен с тем, что вы хотите сделать для страны. Я работаю водителем, и по роду своей деятельности езжу по деревням. Деревни бывают разные, и в некоторых есть зажиточные предприниматели. В основном – магазины, конечно, но есть и фермы.

– Да, это интересно.

– Как мне кажется, на заводе вступать в вашу партию бояться. Хозяева ЖБИ приверженцы ведущей партии, так как через партию они налаживают деловые связи, а для инакомыслящих найдётся множество поводов быть уволенными с работы. Значит, формировать ячейку надо вне завода.

Представитель внимательно слушал. Он соображал, что мне от него надо. Без образования претендовать на его место нереально. Может быть, он думал, будто я не знал о том, что платить мне никто не будет в любом случае? Но сейчас мне было неважно, что он думал. Мне было нужно в кратчайшие сроки получить партбилет.

– В ваших словах есть смысл – сказал он осторожно – но вы знаете, что в любой партии нужно платить членские взносы?

Я улыбнулся.

– Конечно. Но я надеюсь компенсировать своё минимальное финансовое участие в общем деле, своим трудом.

– Хорошо. Пишите заявление. Паспорт вы взяли? Вот об-

разец заявления.

– А это долго делается?

– Сейчас быстро – интернет.

«С дохлой овцы, хоть шерсти клок», видимо, думал он. Наверное, в его глазах я был странным персонажем. Ещё одним отчаявшимся человеком, который начинает метаться в поисках заработка, где только можно.

7

Период ожидания членства я использовал для встреч под пиво с бывшими одноклассниками, у которых, каким-то образом, приятели были связаны с бандитами. А, так же, пробивал информацию в инете о том, кто рулит секцией партии в нашем областном центре.

Собственно, мне были нужны не бандиты, а бандит. Один из главных в нашем городе. О других я ничего не знал, а об этом знал, что он построил рядом с автовокзалом трёхэтажный торговый центр, и сетевые магазины не могли составить ему конкуренцию в том плане, что на этих этажах было всё, что нужно для жизни. Арендаторам он не давал поднимать цены выше, чем у сетевиков, и в маленькие магазины ходили только из-за лени и усталости. Бандитом можно было назвать его уже с натяжкой по-старинке. Он за торговлю платил налоги. Если он что-то захватывал, или выбивал конкурентов из ниши, то всё это проходило тихо, и никто об этом не распространялся. В нашей стране, в данное время, так ве-

дут себя все, от госструктур до бизнесменов, поэтому данный участник делового мира среди других особенно не выделялся. Мне нужна была с ним встреча. Я – водила, и без очень внятного повода, он на меня даже смотреть не станет. Для этого мне был нужен партбилет.

Куклы на меня действовали непредсказуемо. В своём мыслительном процессе, чувствах, бытовых реакциях я стал всё больше усматривать действия кукол. Когда меня подрезали на дороге, мне хотелось разнести водителя с его машиной, как это делал кузнец из сна, а обдумывая беседы с приятелями одноклассников, ловил себя на том, что веду себя как франт в камзоле: на словах предлагал то, или иное, а на деле, не подкреплял свои слова поступками. Правда, поступками пока было ничего подкрепить нельзя, нужно было сначала стать членом партии. В происходящем меня настораживало то, что я всё реже мог найти в себе чувства без влияния кукол. Пока ничего предпринимать по данному поводу я не собирался. Тот я, который учился, собирался поступать в институт и служил в армии, не решился бы на ту авантюру, которую задумал я теперешний.

На работе, зная почти всех сдающих мне сырьё в лицо, я по-новому видел, как люди продавали свой труд начальникам в моём лице. Интонации нищенки перекликались с готовностью идти до конца вояки. Поля черники и брусники описывались с горящим взглядом путника и одновременно с оценивающим взглядом мешочника. Раньше я в таких опи-

саниях видел романтику, а в поправках к измеряемому весу – педантичность хозяина. Всё оказалось не так с начала до конца. Какой же я был наивный мальчик. Были попытки завлечь и выгадать от нищеты и надрыва. Огород и подработка, как в средневековье. С тупой методичностью. Не разгибаясь. Не задумываясь дальше, чем на год вперёд. В толпе сдающих, иногда проскакивали шутки, и вся толпа реагировала на них нестройным смехом. Люди хотели и умели сбрасывать напряжение. Даже шутил народ по необходимости. Всё диктовалось неосознанным и привычным напряжением животного выживания.

И ещё – сны. Их уже невозможно было назвать снами в обычном понимании этого слова. Волны снов выплёскивались в обыденный мир, и диктовали своё мировоззрение и поведение. Они уничтожали мою прожитую жизнь своим психоанализом. От моего юношества и детства оставалось всё меньше живого. Понимание мотивов поступков моих родителей и бабушки с бабушкой разрушало чарующую атмосферу семьи, которой я был пропитан с детства. Солнечные зайчики на стенах, гремящая посуда на кухне, согласие с тем, что так и должно быть. Безопасность, насыщенная мелочами.

Мне как будущему историку в школе при чтении «Войны и мира» Льва Толстого запомнился персонаж, которого зва-

ли Василий Денисов. Запомнился потому, что при разборе романа в классе был назван его прототип – Денис Васильевич Давыдов. Этот Давыдов был партизаном из дворян. Для меня понятие дворянин-партизан было равносильно понятию олигарх-слесарь. Рассказывая о нашей Великой Отечественной Войне, образы партизан нам описывали как ушедших в леса колхозниках и рабочих, а так же, как бежавших военнопленных родом из тех же колхозников и рабочих. Людей, выбирающих из двух зол, меньшее. Образ дворянина сюда не вписывался ни под каким соусом. В моём подростковом возрасте никаких компьютеров не было, и я настырно ходил по библиотекам и выпытывал у библиотекарей, какие книги существуют на тему Войны 1812-го года. Одна не старая работница вспомнила, что у них есть в серии ЖЗЛ то, что мне нужно. Это была книга Геннадия Викторовича Серебрякова «Денис Давыдов». Попадание было не стопроцентное из-за того, что книга была художественной, а не документальной, но выбирать не приходилось, и я был вынужден довольствоваться чужим мнением вместо того, чтобы составить своё, основываясь на фактах. Остальное было делом техники: я притащил в эту библиотеку какой-то детектив и по-тихому предложил его обменять на нужную мне книгу. Библиотекаря для порядка повздыхала и сделала обмен – детективы тогда были на вес золота.

Вспомнилась мне данная история в связи с тем, что, как раз сейчас мне очень хотелось перечитать её ещё раз. Мне

нужна была поддержка. Очень. Я боялся. Не было никакого сомнения в том, что я полностью слился с воякой из ящика, и это мне нравилось. С его помощью я отважился на почти невозможное в нашем городе. Какое-то животное чутьё мне говорило, что делиться моими планами нельзя ни с кем. Всё рискованно, шатко, эфемерно. Какая-то отчаянная удаля, не подкреплённая ничем. Но, ведь, этот Давыдов существовал реально, и на Наполеона нападал реально. Нападал он на войско, но подразумевался-то Наполеон. Свалить из города при очевидной опасности я мог всегда. Паспорт, водительские права, шмотки и загошник с деньгами. Первая попавшаяся попутка до железнодорожной станции. В большом городе работу водилы с общагой найти можно. В армейские условия после армии не хотелось бы, но сама возможность спасти свою шкуру была. Кроме того, исследуя биографию Давыдова, я наткнулся на эпизод, когда к ним в семью приезжал Суворов. Он предрёк военную карьеру Денису и штатскую карьеру его старшему брату. Старший брат, Евдоким, вопреки предсказанию, стал военным. Таким военным, что ему надо ставить памятник и писать о нём книгу. Если гений Суворов ошибся, то уж наше местное ворьё и подавно ошибается, оставляя для других лазейки. Это, в какой-то степени, вдохновляло. Короче говоря, книга мне сейчас была нужна, и я стал её перечитывать.

От редкого Семеновского леска знакомо пахнуло влажной

листвяной прелью и грибами.

Денис Давыдов, ехавший вдоль самой опушки так, что ближние ветки мягко шуриали по киверу, почувяв этот тонкий и грустный аромат ранней осени, памятный с самого детства, непроизвольно придержал коня и вдруг почти неожиданно для себя понял, что спешить, собственно, некуда. Отправляться к полку, бывшему в арьергарде Коновницына за Колоцким монастырем, не имело смысла. Надо было где-то здесь, вблизи главной квартиры, дожидаться столь важного для себя решения светлейшего. Князь Багратион обещал всячески поддержать перед Кутузовым просьбу Давыдова о посылке под его командой в неприятельский тыл летучего отряда.

Мысль о сем дерзком военном предприятии владела Денисом давно, чуть ли не с самого начала кампании. Ему памятли были сообщения об успешных действиях испанских гверильясов¹, против которых были бессильны лучшие наполеоновские маршалы. Эти сообщения он всегда читывал с восторгом. Да и собственный кое-какой опыт у Давыдова тоже имелся: во время Северной войны с малым авангардом Кульнева он за год трижды прошел Финляндию из конца в конец и сам убедился, как страшен был для шведов урон, который они тогда чинили средствами сообщения и тылам неприятельской армии. Тактика, какой они пользовались в ту пору, и была, по сути, самой что ни на есть партизанскою: тайные стремительные рейды и внезапные налеты на

шведские гарнизоны и транспорты.

Окончательно утвердился Давыдов в этой сокровенной мысли после разговора с добрым приятелем своим и сотоварищем брата Евдокима по кавалергардскому полку поручиком Михаилом Орловым, который со специальной парламентерской миссией успел дважды побывать у французов и даже встречался с Наполеоном.

Пробыв в общей сложности во вражеском стане около двух недель, лихой и сметливый кавалергардский поручик сумел узнать многое. Сведения, им привезенные и изложенные в «Бюллетене особых известий», были поистине бесценны.

9

Партбилет, наконец-то, мне привезли. Валентин Геннадьевич пытался меня поздравлять, но это у него плохо получалось. Пытался говорить о нужности каждого человека стране, о том, что, вот так, незаметно, создаётся новая формация людей, но мы оба понимали, что это был ритуал, и, мне показалось, что это понимание нас немного сблизило. Теперь мне предстояло сделать нечто полезное для партийной структуры, чтобы был повод наладить связь с региональным начальством через голову Валентина.

Денис Давыдов был зван к Багратиону в его квартиру, наскоро размещенную в полутемном овине при Колонком монастыре. Разговор состоялся добрый. Князь Петр Иванович,

уже извещенный, что отступление наконец-то прекращено и наши войска твердо встают на позиции для генерального, так давно желанного им сражения, был по сему случаю в отличнейшем расположении духа, возбужден, порывист и деятелен. Ответив на приветствие, тут же спросил:

– А сельцо-то Бородино, как мне сказывали, брат Денис, вроде бы твое родное гнездо?

– Да уж куда роднее... Именье батюшки моего! Здесь я, можно сказать, и вырос и ощутил первые порывы сердца к любви и к славе, – с невольною грустью откликнулся Давыдов.

– Понимаю, – голос Багратиона зарокотал мягче, – однако ж и горжусь вместе с тобою, что судьба определила место сие к решающей битве во избавление России от грозного нашествия. Пусть же родные веси твои послужат нетленной ратной славе отечества нашего!..

В одну из деревень мы с охранником приехали к обеду. Мне не надоедало за городом. Казалось, что деревни разными делает ландшафт. Каким бы однообразным он ни был, неровности места всегда создавали отличие пространства, в котором существовали избы, огороды и обязательные тропинки за заборами участков. За домами поляна набекрень, естественная ложбина, промытая весенней водой из леса, соотношения распахнутости околицы и деревьев, начинающегося зелёного массива. Было ощущение, что дома подстраи-

вались под всё это естественным образом. Лёва, как всегда, играл в игры на телефоне. Я пошёл покупать еду в магазин к, намеченному мной для разговора, хозяину этого магазина. Как и ожидалось, он был на месте. Поздоровался, оглядывая прилавок и настраиваясь на разговор. Хозяин-продавец, чтобы чем-то заполнить ожидание моих просьб, сделал вид, что поправляет ящики под полками. Я кожей почувствовал, как в этот момент вместо меня наружу вылезла физиономия куклы путника. Кольнул ужас. Взял себя в руки. Открыл рот, и меня понесло.

– Приветствую... Да-а-а, ничего не меняется. В других деревнях в твоих магазинах так же?

Вопрос был задан мной для того, чтобы раскрыть мужика для контакта.

– А, что изменится-то: спросил угрюмо дядька.

– Ну да – подхватил я – бандитов не подвинешь. Хотя, я тут разговаривал с одним знакомым, он вычитал в интернете, что через партию можно связи наладить: у него вообще был край. Не через основную партию, а через мелкую – в которой за людей держаться.

Хозяин, молча, смотрел на меня. Я продолжал вдохновенно врать.

– Говорит, «ворон ворону глаз не выколет». Среди списка партийцев нашёл поставщиков, списался, они ему ответили.

Мужик всё так же смотрел на меня, но отчуждения я у него больше не видел.

– Они ему по-свойски процент снизили, чтобы компенсировать бензин из-за дальности, и у него сразу ассортимент стал непохожий на соседей. Вставал вторым, а то и третьим в торговых точках, но люди всё равно к нему пошли. Сейчас в хрен не дует. Навара с каждой точки немного, но за счёт количества дело пошло стабильно. А это самое главное. Сейчас уже думает о перерабатывающем цехе.

Моя последняя фраза явно задела дядьку за живое. Чувствовалось, что он об этом не раз думал, но отказывался от этой мысли из-за бесперспективности.

– А к кому он подался? – спросил хозяин.

Я достал партбилет.

– Хочу пойти учиться за их счёт – объяснил я.

Вот тут мной была сказана истинная правда. Я не стал ему говорить, что до такой возможности мне ещё «начать, да кончить», но это действительно было правдой.

– Партвзносы, как две пачки сигарет – с нас всё равно взять нечего.

– А где они находятся?

Я объяснил, и дал телефон Валентина.

Выйдя из магазина, сделал ему звонок сам.

– Валентин Геннадьевич? Это Саша говорит. Тут к вам, возможно, подъедет мелкий бизнесмен. Его интересуют деловые связи через партию. Вы уж подготовьтесь, пожалуйста, к такому разговору.

– Я готов к любым темам – сухо ответил он, наверное, мысленно, морщась от общения с таким партнёром, как я.

– Когда он приедет?

– Не знаю. Может, вообще не приедет. Но я сделал всё, что было в моих силах.

– Понятно.

– Всего доброго.

Когда я подходил к машине, охранник, сидя в тени грузовика, доедал, взятую с собой из дома еду.

– Ты чего так долго? – спросил он.

– Рассказывал хозяину, как через партию можно о поставках товара договориться.

– Какую партию?

Я ему тоже показал билет. Лёва напрягся. Он не понимал, как ему реагировать.

– Зачем это тебе?

– Для учёбы. Хочу учиться за их счёт.

Лёва такую сторону жизни не знал совсем, поэтому от обзываний воздержался.

– Им же платить надо. Делать чего-то.

– Вот я сейчас это и делал. А платить – копейки.

– И чего тебе от этого?

– Связи. Может, работа. Может, совместительство...

Кстати, на выборах тоже охрана нужна.

– Ну – хрен знает. А можно, чтобы не вступать, а на вы-

борах охранником быть?

– Не знаю. Сходи, поговори.

Через неделю я узнал, что заявление о вступлении подали оба. Валентину звонить и спрашивать об этом не стеснялся: я слёту сделал то, что он, со своим подвешенным языком, не смог сделать за всё своё пребывание в нашем городе.

Следующий шаг заключался в том, чтобы заявить о себе в регионе. Тут была нужна выверенность каждого слова.

Соображения Дениса относительно партизанских действий противу французов князь слушал внимательно, чуть прищурив свои огненно-быстрые глаза, как будто вглядываясь куда-то в даль из зыбкого полусумрака монастырского овина. Давыдов же, сразу уловив подлинный интерес славного боевого генерала к его словам, все более воодушевлялся:

– Неприятель идет одним путем, и путь сей протяжением своим вышел из меры; транспорты его жизненного и боевого продовольствия покрывают пространство от Гжати до Смоленска и далее... Что делают толпы казаков при авангарде? Оставляя достаточное число их для содержания аванпостов, надо разделить остальное на партии и пустить их в середину каравана, следующего за Наполеоном. Они истребят источник силы и жизни неприятельской армии. Откуда возьмет она заряды и пропитание?.. К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народ-

ную...

– А ведь ты дело говоришь, – раздумчиво произнес князь, и брови его столкнулись у резкой поперечной складки на переносье. – Нынче же пойду к светлейшему и изложу ему твои мысли!

Письмо я озаглавил: «Работа в Регионе». Это их избиратели, и, не читая, удалить письмо они, вроде бы, не должны. Затем дал стандартную шапку обращения к нужному мне лицу, и начал фантазировать текст. Для поддержки, куклы вытащил из ящика и поставил их за монитором полукругом. Здесь мне нужен был и пастух-гипнотизёр, и путник, и дама с масками. Надо было понять и ощутить персонажа, в которого я вживаюсь, а я не понимал, кто это такой – энтузиаст-партиец. Пока на ум приходили только пионеры из советских фильмов. По факту я был сейчас посредником, но кроме своего рвения ничего предложить не мог. Я писал, перечитывал и переписывал. Вдруг моё письмо стало неожиданным предложением.

«Благодаря статьям Валентина Геннадьевича, я ощутил надежду на изменение условий жизни в нашем городе. Как житель этого города, я понимаю ситуацию изнутри. Вижу чаяния и опасения простых жителей. Я не берусь судить о других городах региона, но знаю о связях силовых структур с уголовными элементами, хотя и не могу подтвердить это до-

кументально. В данной, замкнутой на себе системе отношений власть предержажших граждан, город не в состоянии развиваться как экономическая единица страны. Все попытки извне привнести живую струю развития в наше место заканчиваются грубым вытеснением новых представителей бизнеса в обход здоровой конкуренции. Ведущая партия не занимается сложившимся положением дел, так как управленцы принуждают простых жителей голосовать за их структуру, и допустимый минимум голосов город им обеспечивает из-за опасений рядовых жителей быть уволенными с работы. Наша партия, как и любая другая, имеет право вести в городе хозяйственную деятельность и заключать договоры с компаниями и предпринимателями. Будучи работником по найму, я мог бы использовать наработанные мной структуры для сбора лекарственных растений для фармацевтики. В нашем городе этим никто не занимается, поэтому я не вижу преград к данному занятию. Сильная сторона партии заключается в том, что мы можем огласить заранее, надвигающиеся события, и, мне кажется, местные монополисты это тоже понимают.

Я убедил предпринимателя и рабочего по найму вступить в наши ряды. И тот, и другой могут быть помощниками в деле занятости населения и финансовом укреплении партии нашего региона.

С уважением,

Александр.

Охренеть. Откуда взялась мысль про фармацевтику? Я же хотел написать о том, что надо Валентину собирать первую информацию о появляющемся у нас в городе каждом новом бизнесе и представлять этих людей через прессу народу, для того, чтобы их сразу не уничтожали местные ухари. Всё-таки, гласность делает местных менее наглыми. На самом деле, текст письма был прикрытием моего заявления о том, что я двух уже завербовал, и на меня можно рассчитывать в дальнейшем. Что я не лох, как другие.

Бригада провокаторов, молча, смотрела на меня из-за монитора. Я сделал короткий поклон в их сторону.

10

На серьезный бой, к коему себя внутренне готовил Денис, дело покуда вовсе не походило. Французские стрелки не спеша продвигались вперед, а казаки крутились перед ними и столь же неторопливо отходили к своим. До вражеских фланкеров, вытянувшихся в редкую цепь, было совсем недалеко, отсюда можно было даже различить их усадые смуглые лица. Ближе прочих к Давыдову оказался высокий и тощий француз в синем плаще и лохматой медвежьей шапке, показавшийся ему своим гордым и независимым видом офицером. Денису не терпелось совершить что-нибудь отчаянное и смелое. Он подскакал к казакам и крикнул срывающим-

ся от волнения голосом:

– Братицы! А не отбить ли нам сего офицера, что от своих выдвинулся? Ежели дружно навалимся, глядишь, и захватим! А? Ну как, братицы?..

У казаков его предложение, к удивлению, никакого энтузиазма не вызвало.

– Да нехай себе едет, – ухмыльнулся один из них, – мы их не шибко тревожим, а они нас. Чего же на рожон-то лезть?

Давыдов, конечно, не выдержал и выскочил навстречу офицеру один и тут же пальнул в него из пистолета. Француз ответил из своего. Несколько других фланкеров выстрелили по Денису из карабинов.

Над ухом его с тонким и каким-то сверлящим посвистом пролетели первые пули. Это показалось не таким уж страшным и неожиданно разозлило Давыдова. Он выхватил саблю, начал ею яростно размахивать и, осыпая неприятельского офицера отборными французскими ругательствами, вызывать его на поединок, предлагая ему сразиться перед цепью. Фланкер ответил такую же бранью, однако вылетать навстречу столь задиристому русскому офицеру, видимо, не спешил.

Тут к Давыдову, горяча коня, подскакал казачий урядник. Лицо его было хмуρο и недовольно.

– Не дело, ваше благородие, эдак-то ругаться, – сказал он. – Грех! Стражение – святое дело, браниться в нем все то же, что в церкви: бог убьет! Пропадете, да и мы с вами.

Ступайте лучшие туда, откуда приехали.

Только тут Денис понял разумом свою пустую горячность и, устыдившись рассудительных слов казачьего урядника, уехал из цепи к Багратиону.

О Виталии Аркадьевиче, авторитете, хозяине торгового центра и непонятно чем ещё занимающемся субъекте, я за пивом узнал достаточно много. При своих встречах со знакомыми пытался выяснить, как он начинал подниматься. Этот человек ни разу не сидел. Уже одно это говорит о его незаурядности. Наверное, при других обстоятельствах он мог бы стать математиком или физиком. Не знаю, убивал ли он своими руками. Мне кажется, что вряд ли. Я достал из ящика кузнеца и мужика на мешке, поставил их перед собой на столе, положил подбородок на скрещенные на плоскости стола руки, и мы стали молча смотреть друг на друга.

Он... Детское и подростковое отчаяние, скрытое за страхом быть уличённым другими в своей слабости. Отчуждённость от своей боли. Ощущение непоправимости, которое перерастает в отчаянную решимость идти до конца, куда бы ни привели поступки. Понимание силы и надуманности преград. Он не был садистом – он был счётной машиной, у которой чувства использовались только для направления расчетов. Судя по его поведению, вытекающему из разговоров, мне показалось, что с возрастом он начал позволять своим чувствам занимать больше места в своей жизни.

У наёмного директора торгового центра я взял номер телефона и вручил одну из визиток, которыми я заблаговременно запасся у Валентина. Мы договорились, что я буду позванивать в торговый центр, и директор мне скажет, когда там окажется Виталий Аркадьевич. Должность директора занимала женщина не первой молодости. Вероятно, она в советские времена была бухгалтером или человеком из этой сферы, и видела в своей жизни всё, что мог увидеть такой специалист, переживший все этапы разрушения страны.

Общаться с ней мне было страшно. Ещё страшнее мне было встречаться с самим Виталием Аркадьевичем.

– А, Давыдов, – обрадовался тот, увидев его подле себя. – Дело есть для тебя, и весьма важное, от выполнения коего много зависит. Пулею лети к 5-му егерскому полку с моим приказом оставить немедленно занимаемый ими лес и двинуться к Дитрихсдорфу, где избрана для арьергарда вторая позиция. Если сейчас сего не исполнить, то полк будет отрезан обходом и истреблен. Допустить этого никак нельзя! Понял? Действуй, братец!..

Давыдов помчался к егерям и четко выполнил поручение. Однако на обратном пути его начало мучить сомнение относительно того, не поспешил ли князь Багратион оставить место при Вольфсдорфе без сильного отпора неприятелю. Те же егеря, например, как он только что убедился, не сделали по французам еще ни выстрела. Да и так ли дей-

ствительно им угрожает обход? Может, это лишь мнимое опасение Петра Ивановича?

У него тут же мелькнула дерзко-сумасбродная мысль: а что, если ударить передовую цепью встреч неприятелю? Увидев это, его поддержат и собирающиеся на опушке егеря. А там, глядишь, и Багратион, заметив перемену в обстановке, поддержит этот успех всем авангардом. Тогда уж и главнокомандующий повернет армию обратно... В конце концов, читал же Денис о том, что иногда волею случая отчаянный смельчак увлекал за собою войска и решал участь больших сражений!

Подъехав к цепи, которую он незадолго перед тем оставил, Давыдов снова увидел знакомого строгого урядника.

– А что, брат, ежели бы сейчас по французам ударить? – спросил он его.

– Для чего ж нет, ваше благородие, – проявил тот нежданную сговорчивость, – давеча мы одни были, а теперь вон и пехоту нашу видать, есть кому поддержать.

– Ну так ты уговори казачков, – обрадовался удаче Давыдов, – а я подобью к сему делу гусар и улан, их вон в рассыпном строю неподалеку тоже взвода два наберется...

Атака, как ни странно, удалась. Русская цепь, возглавляемая Давыдовым и казачьим урядником, дружно гикнула и со свистом и криком «ура!» обрушилась на французских фланкеров, видимо, уверовавших в свою силу и двигавшихся вальяжно и не ожидавших такого отчаянного налета.

Загремели выстрелы, засверкали клинки. Давыдов помнил лишь, что он мчался вперед во весь опор на своей бесноватой Мари, которая во время схватки почему-то начала неистово ржать, с кем-то сишибался, в кого-то палил из пистолета, по чьей-то лохматой шапке почти вслепую наотмашь рубанул саблей...

– Добрый день, Виталий Аркадьевич. Меня зовут Александр. У вас есть несколько минут времени? Думаю, что я не долго.

– Ну, это смотря для чего.

– Возможно, вам будет интересно взаимодействие с нашей партией для расширения вашего бизнеса. Дело в том, что, говоря простым языком, структура партии – это общак со всеми возможностями хозяйственной деятельности. Я могу дать вашим юристам ссылки на соответствующие законы о возможностях партий.

– И что вы за это хотите?

– Ничего... Люди, которых вы обеспечиваете работой, узнают о вашем вступлении в нашу партию, и, возможно, тоже захотят это сделать, чтобы морально быть ближе к вам.

– А мне, какой в этом интерес?

Я взял в руки приготовленный заранее лист бумаги и стал читать вслух.

Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 28.12.2016) "О политических партиях"

Статья 31. Хозяйственная деятельность политической партии

1. Политическая партия самостоятельна в решении хозяйственных вопросов обеспечения своей деятельности, в том числе вопросов оплаты труда, предпринимательской деятельности, получения и использования денежных средств и иного имущества.

2. На работающих по трудовому договору (контракту) работников аппарата политической партии, ее региональных отделений и иных структурных подразделений распространяется законодательство Российской Федерации о труде и социальном страховании.

Политическая партия, ее региональные отделения и иные структурные подразделения вправе заключать с работниками аппарата политической партии срочные трудовые договоры (контракты) на срок, не превышающий срока полномочий руководящих органов политической партии, ее региональных отделений или иных структурных подразделений.

3. В целях создания финансовых и материальных условий для реализации целей и решения задач, предусмотренных уставом и программой политической партии, политическая партия, ее региональные отделения и иные структурные подразделения вправе осуществлять следующие виды предпринимательской деятельности:

а) информационная, рекламная, издательская и полиграфическая деятельность для пропаганды своих взглядов, це-

лей, задач и обнаружения результатов своей деятельности;

б) изготовление и продажа сувенирной продукции с символикой и (или) наименованием политической партии, а также изготовление и продажа издательской и полиграфической продукции;

в) продажа и сдача в аренду имеющегося в собственности политической партии движимого и недвижимого имущества.

4. Политическая партия, ее региональные отделения и иные структурные подразделения не вправе осуществлять виды предпринимательской деятельности, не указанные в [пункте 3](#) настоящей статьи.

4.1. Не допускается заключение политической партией, ее региональным отделением и иным структурным подразделением сделок с:

а) иностранными государствами и иностранными юридическими лицами;

б) иностранными гражданами;

в) лицами без гражданства; (с гражданством можно)

Там были ещё пункты, но я их читать не стал.

7. Политическая партия, ее региональные отделения и иные структурные подразделения вправе осуществлять благотворительную деятельность.

Например, благоустройство нашего города... через определённых людей...

Я поднял глаза. После непродолжительного молчания Виталий Аркадьевич задал ожидаемый вопрос: «А почему я должен идти к вам, а не в другую партию?»

– Потому, что в ведущей партии все места забиты. У них там недра страны пилят и госзаказы. Там другие деньги крутятся. Соответственно, возможностей не пустить больше. Этого никто не знает, но государство финансирует партии из своего бюджета. Наша партия такая же официальная, как любая другая, поэтому она будет существовать при любой ситуации в стране. Через нашу партию вы можете расширить свой бизнес за пределы региона. Я в этом ничего не понимаю, но мне кажется, что, если выйти на прямые поставки продукции из-за рубежа, то это снизит себестоимость продукции и сеть вашего бизнеса может занять ведущее место в регионе. Если вы пойдёте в нашу партию, то это даст вам возможность баллотироваться на ближайших выборах, и, если вы их пройдёте, то в дальнейшем вы сможете общаться с представителями других партий.

Что, как вы понимаете, поднимет вас на другую ступень бизнеса.

– Это всё?

– Всё.

Он протянул мне руку.

– Спасибо.

Я почти бегом дошёл от торгового центра домой и уже по всем адресам региональной структуры разослал текст о том, что ведущий бизнесмен нашего города собирается стать членом нашей партии. Что я готов на все вопросы по данной ситуации ответить по телефону или при личной встрече. Пришла пора общаться на равных, а не «чего изволите».

На следующий день мне позвонил Валентин.

– Ну, здравствуй. Ты чего через голову прыгаешь? В армии не учили?

– Так ведь, результат неизвестен. Если не получится, то виноват буду я.

– А сообщить можно было?

– Вы бы ругаться стали. Думаю, он сразу в регион поедет, чтобы тут не светиться прежде времени.

– Понимаешь, что так не делается? Я тоже должен быть готов к таким поворотам.

– Вы сказали, что всегда готовы к любым темам в разговоре.

– Ты на день сможешь отпроситься с работы? Нас в центр приглашают.

– Да, смогу.

– Завтра сможешь?

– Да.

– Тогда завтра к десяти у меня в кабинете.

– Хорошо.

11

– Так это ты с аванпостными во фронте у французов столько шуму наделал? – радостно удивился Багратион. – И как только в голову тебе это пришло! Как нельзя кстати оказалась сия демонстрационная атака! Неприятель своею тяжелой кавалерией успел-таки обойти наших егерей. Еще бы чуть, и не было бы им выхода. Тут-то как раз и началась твоя пальба, чему я и сам поначалу удивился. А французы, видимо, тем паче. Они тут же порешили, что я перешел здесь в отпор всем авангардом, и, оставив егерей наших, кинули сюда свою конницу. Благодаря чему пятый полк вышел в полном составе, не потеряв ни единого человека, а неприятель все движение свое замедлил, видимо, до сей поры в том, что свершилось, еще никак не разберется... Так что – молодец! За дело, тобой учиненное, будешь представлен к награде! – заключил князь и, заметив, что улыбающийся Денис совсем посинел и продрог от холода, велел подать свою знаменитую лохматую бурку и уже с мягким рокотом в голосе добавил: – А это от меня. Взамен утраченной шинели. Бурка сия меня еще в Альпах от стужи спасала. Пусть теперь тебе послужит. Дарю! Ты ее, брат Денис, достоин!..

При встрече Валентин был неразговорчивым. Сухо про-

тянул руку и проверил свои бумаги. Как я понимаю, он приготовил импровизированный отчёт начальству. Положение его было явно двойственным. С одной стороны, его ячейка, которой не было, привлекла в партию тяжеловеса. С другой – его личной инициативы в этом деле не было. Мы сели в его машину. Тронулись. Обсудить со мной общий план действий ему не позволяла гордость: умудрённый жизнью профессиональный публицист и парень-водитель в одной упряжке не смотрелись. Тем не менее, основной вопрос он мне задал.

– Чем ты его взял?

– Прочитировал закон о хозяйственной деятельности политической партии и сказал, что, возможно, он сможет выдвинуться в кандидаты от партии.

– Я не мог с ним встречаться – это бы было похоже на подкуп.

Я понимал, что Валентин оправдывается, и мог бы сказать ему, что это было бы похоже на подкуп, если бы Аркадьич отказался, но я промолчал. Глупо называть себе врага в начале задуманной мной истории.

Ехать нам предстояло несколько часов. Завоевывать расположение Валентина у меня не было необходимости, и я позволил, приходящим ко мне образам, всплывать без всяких ограничений. Уже давно я не чувствовал себя отдохнувшим. Понятно, что все последние дни были на нервах, но и ночью отдыха тоже не было. Куклы, которых я во сне

не видел, но чувствовал, насылали разные ветры, которыми окрашивались снимающиеся мне ситуации. Истории сновидений окрашивались не цветами, а настроениями. Например, мне снилось, что я принимаю и взвешиваю ягоды. Расплачиваюсь за них. Люди могут пойти и набрать эти ягоды, а могут и не ходить. Они – хозяйева своей жизни. Да, они бедные, но они свободны. А меня, если не буду работать, просто выгонят, и буду я эти ягоды собирать на еду наперегонки с кабанами. Позиция нищенки, что я обделённый и недооцененный, меня и заставила влезть во всю эту нынешнюю лихорадку. Эта позиция является правдой? Да. Или, вот ещё. Еду обратно, и перебрасываюсь словами с Лёвой о нашем новом положении. В качестве старшего товарища размышляю вслух о том, как Лёве можно стать работником в партии по договору. Охранником на зимний период у какого-нибудь партийного богатея, или отслеживающим порядок на их мероприятиях. Не хватает ли чего-нибудь в этой позиции? Нет. Такая позиция тоже правильна. Тогда вопрос: как может быть такое, что все позиции, проживаемые в сновидении, правильны, окончательны и полноценны? Почему позиций много, и каждая, при этом, единственная и верная? Почему в кукольности и театральности множественность не противоречит единственности? Я бы понял, если бы немного того, немного сего,.. но, ведь, каждая позиция занимает в ситуации всё пространство. Сил на размышления не было. По обочинам дороги лес перемежался с перелесками. Ряби-

ло в глазах. Я незаметно для себя заснул.

Проснулся уже в городе. Отсюда нас забирали в армию. Конечно, это не наш городок. Больше людей, больше машин. Какой-то неуловимый промышленный запашок. Дом, к которому мы подъехали, тоже был купеческий, но находился далеко не в центре. Надо сказать, место уютное. Дом окружал сквер, поэтому не было суеты. Как-то всё на своём месте. Три этажа – это воодушевляет. Как я увидел при входе, дом использовался по полной программе. Типография, о чём говорила вывеска, бухгалтерия, юридический отдел, представительство. Валентин позвонил, представился и сказал, что мы уже приехали. Ему ответили, и мы пошли внутрь. Верхние чины на верхнем этаже. Это же неудобно. Наверное, такая планировка была выбрана для того, чтобы печатные станки не долбили по головам. И, потом, давно отдышавшийся начальник наглядно ощущал разницу между собой и поднявшимся к нему с первого этажа подчинённым.

Деньги у партии были. Это определялось по дорогим деревянным дверям, по идеальной чистоте коридоров с увешанными картинами стенами, и по пластиковым окнам под дерево с дизайном в общий стиль дома. Валентин здесь ориентировался. Уверенно подошёл к нужной двери, постучал и мы вошли. Разговаривали два человека. Ботинки, брюки, растёгнутые верхние пуговицы рубашек и приспущенные гал-

стуки в такую погоду – всё, как положено. Большой кабинет с набором политических атрибутов. Политический стиль соблюден без излишеств и навязчивости.

« О-о-о, Валентин Геннадьевич!»: послышался возглас приветствия с громкостью уместной для подчинённого, работающего по найму. Один из местных боссов подошёл и пожал Валентину с улыбкой руку. Валентин отдал ему заготовленные в своём офисе бумаги.

– Ну? Как вы уговорили этого бизнесмена? Это юноша, у которого получается убедить людей в жизненности нашей платформы, как я понимаю.

– Александр – представился я обоим.

– Ну, расскажи, как у тебя хватило энтузиазма встретиться с этим Виталием Аркадьевичем.

– Э-э-э...

– Павел Григорьевич – представился он.

Было видно, этот человек привык разговаривать с людьми любого ранга раскрепощено и с воодушевлением. «Путник хренов»: подумал я.

– Павел Григорьевич, вы же понимаете, что в партии с их дополнительной нагрузкой от хорошей жизни не идут. В нашем городе, а я думаю, что и по всей стране, сложилась тупиковая ситуация. Везде всё распределено, и инициативных людей никуда не пускают. Я, вот, например, хочу быть социологом, но не могу себе заработать на обучение, так как у меня сезонная работа. В городе работы нет, и, так как новый

бизнес в город не пускают, то работы и не предвидится.

Я развёл руками, пробуя включить в диалог своё тело для большей уверенности.

– Виталий Аркадьевич бизнесмен со стажем. Если он будет вариться в собственном соку, то, естественно, он будет заинтересован в том, чтобы не пускать конкурентов на свою территорию. Как я догадываюсь, участки бизнеса в нашей местности распределены, и, понимая силу соседей, Виталий Аркадьевич не хочет расширения за счёт конфликтов, которые могу перерасти неизвестно во что. Поэтому, при встрече с ним, я зачитал ему статью закона о хозяйственной деятельности политической партии. В одном из её пунктов перечисляется, с кем не может взаимодействовать партия. В частности, она не может взаимодействовать с физическим лицом без российского подданства. Значит, с российским – может. Этот пункт я акцентировал. И, потом, я сказал о прописной истине: партия – это связи, а значит, расширение бизнеса за счёт взаимных уступок. То есть, это новые виды товаров и услуг на его деловой территории. При низких ценах он может стать и посредником. Ну... он всё сам это понимает.

– Всё верно. Этот Виталий Аркадьевич прямо заявил, что хочет участвовать в ближайших выборах. Нахрапистый такой! В этом болоте без нахрапистости никого не расшевелишь. Может, он и дело предлагает.

Ощущалось, что Валентин был уязвлён тем, что и я, и Аркадьич его проигнорировали, но, вместе с тем, он сейчас

въезжал в новую ситуацию как журналист, и это ему давало пищу для новых мыслей, а, следовательно, и – заработков. Я чувствовал, что для меня эта ситуация разруливается.

– Ну, а ты за свою инициативу, что хочешь?

– Я вам написал, что у меня уже есть готовая структура по сбору сырья для фармацевтики. Мне нужно, или юридически открыться и взять займ для аренды транспорта, или стать чьим-то подразделением.

– Константин – обратился Павел Григорьевич к своему соратнику – кто у нас с фармацевтикой дело имеет?

– У Глеба есть доля в ЗАО. Надо узнать, занимаются ли они переработкой. В принципе, должны.

Павел Григорьевич обернулся ко мне.

– Ты инициативный. Этот вопрос сам решишь.

Взял трубку городского телефона на столе.

– Ирочка, найди, пожалуйста, данные Глеба Олеговича. Сейчас мимо тебя пойдут два человека – отдай им его контакты. Ну что, Валентин, скоро выборы. Тебе нужно будет встретиться с этим Виталием Аркадьевичем, поговорить и начать формировать его положительный образ. Как я увидел, он почувствовал вкус новых возможностей, и пойдёт, если не от нас, то от себя самого, а это нам точно не надо.

– Я читал, что некоторые партии направляют своих членов на учёбу. Это распространённая практика.

– Посмотрим.

Мы попрощались за руку. Обрато ехали в расслаблен-

ном состоянии. Финальная фаза моего плана была возможна только после выдвижения Аркадьевича на выборах. Сейчас я решил заняться созданием для себя нового места работы. Ещё оставалась треть лета и осень, так что, при быстром решении дел, я мог бы ещё что-то заработать на новом месте. События, которые я сам же вызвал к жизни, требовали внимания, отточенности и решительности. Я был ими захвачен целиком. Но во мне на заднем плане стоял спокойный и внимательный охотник. Невозмутимость ожидания делала его предстоящие действия ещё непоправимее.

12

Домой я приехал поздно. Сил писать письма не было. Отложил до завтра. Утром мужик на мешке не давал мне покоя. Собираясь на работу, я умом понимал, что нечего бежать впереди паровоза: нужно сначала получить место, а уже потом заниматься новой структурой, но меня подмывало начать её создавать как можно быстрее.

В деревнях, принимая ягоды, я аккуратно пытался узнать, есть ли в округе травницы. Если получится с работой, можно сразу показать людям, что надо собирать вместо того, чтобы их гонять с фотографиями в руках: соберут не то – обидятся, и больше не будут работать. В результате: отсутствие рук, неблагоприятные слухи и несоответствие между делами и обещаниями заказчику. В нескольких деревнях называли какую-то Евдокию. Где находилась деревня этой Евдокии, я

представлял, но ехать к ней вместе с Лёвой я не мог. Он работал на других.

После работы написал Глебу Олеговичу о том, что Павел Григорьевич решил нас свести из-за того, что у меня есть готовая структура по сбору трав, и мы могли бы взаимодействовать, получая от сотрудничества взаимную пользу. Я перечислил количество населённых пунктов, в которых для моей конторы собирают ягоды и будут собирать грибы. Спросил у него, как будто дело было уже решённым, сколько машин нужно, и будут ли водители его или мои. Выразил надежду на сотрудничество и уверенность в том, что расширение популярного сегодня экологически чистого сырья поможет развитию его компании. Воткнуть ещё раз в текст Павла Григорьевича мне не удалось, так как письмо получилось гладким, и надуманность внесла бы корявость в изложение.

Мои родители жили в дальней смежной комнате. Комната ближе к коридору была ничьей, и моя комната находилась с другой стороны коридора. Периодически из комнаты родителей глухо бурчал телевизор. Телевизор ещё был и в центральной комнате, но его практически никто не смотрел: у меня был комп, так что, он был мне не нужен. И отец, и мать работали в две, а то и в три смены, поэтому свободное время совпадало у них эпизодически. Кроме того, у отца были командировки. Но как раз сегодня он был дома. Я услышал, как после сна он загремел на кухне посудой, и тоже вышел на кухню. Мы посмотрели друг на друга, удостове-

лись, что всё в порядке, и я попросил разрешения взять его мотоцикл. «Бери»: сказал он.

По графику следующий день у меня был свободный. У нас на базе ягоды варили в чанах, а потом чаны грузили краном на машины и увозили на консервный завод. Эта отгрузка давала мне возможность наведаться по делам моей будущей работы.

Когда едешь на мотоцикле, а не на машине, дорога видится другой. Ощущается большее участие в окружающем мире. Всё живое. Блэкное небо, мелкие птицы, мельтешащие возле деревьев, ветер, с бьющими по шлему жуками. Мне нравилась воля. Человек не может найти повода, чтобы просто так оказаться один на один с миром. Придумываются любые занятия, лишь бы не оказаться в непредвидимом месте без цели. А как же иначе? В таких обстоятельствах не нужен ни характер, ни житейская нужность, ни настроенность на достижение целей. В такие моменты всё становится лишним. Человек начинает ощущать себя потерянным в мире, который даже не замечает появление и уход человека. В принципе, я осознавал преждевременность этой поездки и мог бы развернуться и поехать обратно, но путешествие уже захватило меня, и я готов был ехать всё дальше и дальше. Проехав по мосту речку, решил, что на обратном пути обязательно искупаюсь.

Въехал в нужную деревню. Людей не было. Заметил бабку, ковыряющуюся за забором на огороде.

– Здравствуйте! Скажите, где здесь Евдокия живёт?

– Евдокия? Третий дом от конца – махнула рукой бабка, показывая на противоположный ряд домов.

– Только сейчас она в лесу. Сейчас сколько времени?

– Половина одиннадцатого.

– Ну, скоро подойдёт.

Подъехал к нужному дому, проверил калитку, не открыта ли, и лёг на траву перед домом. Небо. Почему я здесь родился? Это место сделало меня таким, какой я есть сейчас. В другом месте я был бы парнем с другим характером, до которого мне не было бы никакого дела. Возможно, я бы с ним подружился, но мне бы пришлось узнавать его черты характера. Вообще-то, общие черты характера вразброс есть у многих людей. Каждый приспосабливается к жизни так, как это видит на примерах окружающих, но каждому, при этом, кажется, что его черты характера уникальны. Смешно. Психотипы, на сколько я читал в инете, давно разработанная в психологии тема. Не понятно, почему каждый человек является одним психотипом, а не другим, но само деление существует и просчитывается. С куклами – другое. Они создают в тебе жизненные устремления в независимости от того, есть ли в тебе эти устремления или нет. Может, в человеке вообще есть всё, но ты не знаешь об этом из-за неостребованности?

Услышал шорох травы.

– Здравствуйте. Вас Евдокия зовут?

– Здравствуй. Меня.

– Я – Саша.

Женщина жила вторую половину жизни, и жила её без мамы. Это ощущалось по её силе, полной встроенности в свои занятия, размеренности и целесообразности жестов. По какой-то текучести её переходов от одного действия к другому. Она поставила корзину с травой перед калиткой, поправила здоровенные веники из стеблей на плече, просунула руку в дыру калитки и открыла её. Посмотрела на меня.

– Ну, заходи.

Подняла корзину и поплыла впереди меня по тропинке к крыльцу. Я следовал за ней в нескольких шагах. Она поднялась на крыльцо, поставила корзину на пол, положила веники на корзину, мелкими быстрыми плавными движениями отомкнула и распахнула дверь, прошла внутрь, и было слышно, как открылась ещё одна дверь.

– Проходи – послышалось из проёма.

Я оказался в типичной деревенской избе. Сушёных летучих мышей на стенах не было.

– Здравствуйте – ещё раз сказал я – у меня никто не заболел. У меня к вам просьба по работе. Возможно, наладится сбор лекарственных трав. Собирать будут местные, поэтому живодёрства не будет. Если я к вам приеду с названиями и фотографиями, вы сможете мне за деньги собрать образцы этих трав?

– Смогу. Можешь, хоть на латыни названия привезти – я

– бывший фармацевт. На пенсии.

– Хорошо, что я к вам попал. Говорить проще.

– Ну, а если хорошо, то будем чай пить. Я с утра ничего не ела. Собирать надо по росе.

– А из фармацевтики в травничество сложно переходить? – спросил я, чтобы заполнить молчание.

– Я не переходила. Я из травничества пошла в медицину, а теперь опять травы собираю. Это у нас семейное.

Она включила электрочайник и вышла из дома. Меня накрыла тишина избы. Вот тут куклы были лишними. Все до одной. Тишина была твёрдой. Она стояла в пространстве, точно повторяя его объём. Что-то похожее вспоминалось в раннем детстве. Но образов не было, и воспоминания, не разворачиваясь в картины, так и оставались ощущениями. Между теперешним состоянием и похожими состояниями детства не было образов–посредников: слишком редкими были такие восприятия окружающего мира. Именно незамусоренность бытовухой данных ощущений, позволяла мне видеть свою сердцевину, на которую со временем налипли и продолжают налипать роли. В этой сердцевине не было ничего, но она не была пустой. Она была изначальной. Это значит, что в ней не было разделения на пустоту и наполненность. Короче, я попал в сказку. Почему это произошло именно сегодня, именно в этом месте, я не знаю. Чайник, включённый Евдокией, начал шуметь всё громче и громче. Евдокия вошла со двора в комнату, и сразу же прошла её на-

сквозь в следующую смежную комнату. По звукам, долетающим до меня, я понимал, что Евдокия накрывает на стол.

– Проходи, садись – донеслось из дверного проёма.

Я вошёл, окинул взглядом комнату и напрягся: на комодке среди других вещей в углу стояла кукла без лица, как у меня в ящике. Платье у неё, конечно, было другое, но принцип изготовления тот же.

– Вот, садись – Евдокия указала на стул.

На столе стояли две здоровенные кружки с зельем, сырники на тарелке, сахарница и чайные ложки.

– Не бойся – этот чай полезный.

Я понимал, что, нравится или нет, эту штуку надо будет выпить. Решил её на всякий случай глушануть сахаром, хотя дома пью зелёный чай безо всего. Евдокия занялась поеданием сырников, прихлёбывая их этим горячим чаем. Я положил пару ложек сахара, размешал и присоединился к ней.

– Этот силы даёт – Евдокия кивнула на кружку.

Питьё оказалось приемлемым. Без экзотики. Сено, но с глубоким вкусом. Очень даже прилично. Я понимал, что количество сырников было на меня не рассчитано, поэтому с задумчивым видом смотрел в окно. О кукле решил заговорить после чаепития, чтобы не было скомканных ответов. Чай расслаблял. Может, это называется восстановлением сил, но я стал спокоен и прозрачен.

– Евдокия, а как вас по бабушке?

– Петровна. Зови, как удобно.

Я кивнул.

– А, вот, у вас странная кукла на комод. Это вы её сами сделали?

Нет. – она посмотрела на куклу – сделали её ещё до революции.

Она остро глянула мне в мозг.

– Испугался?

Почему такой вопрос? Что за хрень?

– Да нет: у меня дома похожая есть.

Продолжать я не стал. Она тоже говорить не собиралась. Я оказался в невыгодном положении.

– Недавно вместе с другими куклами её нашёл в городе.

Евдокия смотрела на меня и, молча, одобряла мои разъяснения.

– Станный случай был. Человек убегал от милиционера, а ящик с куклами за лотком на площади оставил. Чтобы ящик не пропал, я написал свой адрес лоточнице и этот ящик взял домой. Евдокия покивала.

– Куклы нашли хозяина.

Мля, что за хрень!?! Что я делаю в этой дыре вместе с этой куклой?

– Да, успокойся ты – никто не умер. Такое бывает.

Я, и, правда, почти успокоился.

– Понимаешь, может, ты читал или слышал, что существует передача способностей.

Конечно, я читал фэнтези о передаче магических предме-

тов. Но, то развлечения, а тут – жизнь. Одно дело, когда я командую ситуацией, а другое – когда я подопытный кролик. За меня всё уже решили. Я влип во что-то непоправимо-глобальное. Пока это у меня проносилось в голове, Евдокия начала объяснять.

– Вот, тебя в семье воспитывали. Учили отношениям, давали навыки. Чему тебя учили, коротко говоря? Видеть жизнь определённым образом. Понятно?

Она помолчала, чтобы я это успел понять. Как раз это я успешно понял сам из-за кукол.

– Видение, которому тебя учили, не совсем полное. В мире больше связей, чем мы привыкли думать.

Это я тоже увидел. С появлением кукол у меня возник сценарий, и пока он неукоснительно выполнялся, хотя, если посмотреть здраво, всё в этой истории шито белыми нитками. Одно несовпадение – и мой план оказался бы очередной подростковой иллюзией.

– Пока, всё, что вы говорите, я уже знаю – сказал я, чтобы не потерять лицо.

– Ну, вот и хорошо. В такие куклы – она кивнула на свою – раньше играли дети. Лица изготавливать было запрещено: боялись, что в куклу может войти чья-то душа. Для детей мир шире, чем для взрослых, и они могли через куклы разговаривать с миром, не ограничивая себя ничем. Лица не было, и можно было придумывать про куклу любую историю по необходимости. Кукла, ведь, часть внешнего мира, и, об-

ращаясь к кукле, ребёнок обращался к нужной ему стороне мира.

– Это уже магия какая-то.

– А что не магия? Когда тебя научили воспринимать широкий мир зауженным способом, это разве не магия? Всё общество целиком проделало с тобой такие манипуляции, от которых ты перестал видеть очевидные для любого зверя или растения вещи.

Она хотела ещё что-то добавить, но промолчала. Я тоже молчал, осознавая себя в настоящей сказке. Вновь пришло состояние тишины, но теперь к нему добавлялись произрастающие из этой тишины узоры новых связей. Эти стебли-лианы связали всё со всем в один живой клубок. Этот клубок был беспредельным. Лианы-узоры, как на росписях. Травница. Она передавала силу умного мира растений глупым людям. Пыталась лечить от глупостей.

– Я из-за кукол к вам приехал.

– Знаю.

– Вы не поняли. Я хочу себе сделать место работы. Куклы в этом участвовали.

– Пока, не понял ты – сказала она мягко. Куклы не смогли бы тебя привести сюда, если бы ты не придумал новую работу. Поэтому ты её придумал.

Я вспомнил свой лёгкий поклон куклам.

Когда я уходил, Евдокия дала номер своего телефона и сказала, что в нашем городе живёт один интересный чело-

век. Назвала его имя и адрес. Посоветовала к нему обратиться по поводу кукол, чтобы не было неожиданностей. Помня свои тяжёлые сны, я поблагодарил её за помощь, и сказал, что встречусь.

На обратном пути я, как и хотел, съехал с моста и немного проехал вдоль реки по тропинке. Разделся полностью вместе с трусами, искупался и лёг на траву обсыхать. Вода смыла остроту недавних впечатлений, и обнажила прозрачное понимание нераздельности всего. Оказалось, что это и есть свобода. Что только ощущение своей отдельности ото всего создаёт иллюзию выбора, а с ней и метания по выгадыванию лучшего, которое держит человека в зависимости от самого этого выгадывания. Во всеобщей связанности, кем бы ты ни был, и чем бы ни занимался, ты всё равно держишь в руках весь мир, и только твоё непонимание надуманности границ мешает перейти из одной роли в другую. В этом смысле, куклы являются прибором, регулирующим отношения: насильно, или по доброй воле, ты играешь свою партию в оркестре связей, и это общее звучание льётся рекой времени в неопределённость будущего.

13

Войдя в свою комнату, я тут же включил комп. Пока он настраивался, сходил на кухню, положил себе еды, вернулся с тарелкой к монитору и включил свою почту. Ответ от Глеба Олеговича уже был. Сердце забилося чаще. Открыл

ответ. Моё предложение было принято. Мне предлагалось стать менеджером по закупкам, и обсудить условия работы. Это требовало от меня однозначного решения, а я боялся за свою шкуру. Говоря понятнее, за своё жизнеобеспечение. Предложение новой работы означало для меня автоматическое увольнение со старой. Я никак не мог совместить их обе. Увольнение посередине рабочего цикла означало увольнение навсегда. Никто не будет иметь дело с человеком, который исчезает в разгар сезона. Понятно, что есть возможность уехать в какой-нибудь центр, жить в общежитии и ненормированно пахать за это проживание. Можно, конечно потом с кем-нибудь договориться и снять комнату, но от этого пахоты не убавится. И проживу я жизнь своего отца, отщепкивая годы. Если бы не перестройка и не моё рождение, то он бы тоже мог кем-то стать. В больших городах с этим проще.

В ответе Глебу Олеговичу я написал, что мне хотелось бы в общих чертах понимать ориентировочные суммы моей зарплаты, так как мной будут задействованы, в основном, те же люди, которые являются сейчас сборщиками ягод и грибов. Мне придётся их перекупать на новое для них дело, и закупщики со старого места работы будут так же обращаться к моим поставщикам, что осложнит дело. Я, так же, попросил выслать фотографии нужных растений с их названиями, чтобы проконсультироваться со специалистом о территории их произрастания в нашей местности, так как, возможно, тогда я смогу расширить области сбора и уйти от конфликта

с конкурентами.

«Интересный человек» Евдокии приобретал для меня всё большую значимость. Я, не то, чтобы, не доверял куклам, просто, сейчас мой страх был больше доверия. «Интересного человека» звали Платон Игнатьевич. Спасибо, что не Архимед. Жил он в частном секторе нашего города. Когда-то наш городок был весь деревянным, кроме купеческого центра, и в послереволюционные годы стал быстро расстраиваться в связи с добычей бурого угля. Теперь этот уголь никому не нужен, но сталинские дома и хрущёвки были уже построены, а пригород так и остался нетронутым. Пока этот Глеб ответит, мне бы хотелось посетить загадочного дядю. Об основном моём плане, как я увидел по Евдокии, меня никто спрашивать не собирался, а эта частная история с моим решением, возможно, и разрулится с его дельным советом.

Князь Петр Иванович и его адъютанты с тревогой поглядывали в сторону Тильзита, откуда еще слышалась ружейная пальба: успеют ли казаки прикрытия оторваться от преследования и проскочить мост, который по приказу должен быть предан огню?..

Прошло еще несколько томительно-тягучих минут.

Наконец на крутом противоположном берегу замелькали конные фигуры. Они выскакивали из тесных каменных улиц городка и стекались к узкой горловине мостового спуска. И вот уже деревянный настил загремел под копытами каза-

чьих и низкорослых степных коней.

И почти тут же из улочек Тильзита выплеснулась тягеловесная лава французской регулярной кавалерии. Вспыхнули на солнце сверкающие панцири кирасир и горящие полированной бронзой хвостатые каски драгун. Их старание настигнуть, смять и растоптать горстку казаков и «северных купидонов», видимо, было так велико, что в теснине спуска произошло замешательство, несколько лошадей сишло, кто-то опрокинулся, и яростный поток разгоряченных всадников закружился на месте.

Однако самые резвые продолжали преследование. Впереди проскочивших к берегу кирасир и драгун на тонконогом стройном коне, посверкивая обнаженным клинком, скакала фигура в ярко-желтом, канареечном наряде, с длинными развевающимися темными волосами и летящими по ветру за плечами пестрыми шарфами и шалями.

Денис Давыдов тотчас узнал Мюрата. В столь фантастическом одеянии мог щеголять во французской армии только герцог Бергский.

На полном скаку он первым влетел на мост.

Но тут гроыхнули пороховые заряды, с шипением и свистом взметнулись в небо фонтаны искр. Почти перед самой мордой лошади Мюрата вскинулись языки пламени.

Полыхнуло, как и обещал Никитенко, знатно. С ревом и треском огонь начал закручиваться в длинные ярые жгуты.

Мюрат картинно вздыбил коня. А потом, медленно по-

вернув его, шагом поехал прочь. Благо с русского берега не стреляли. «Эх, поспешил поручик со своими пионерами, – подумал Денис Давыдов, – еще бы немного, и не в меру резвый герцог в горячке сам бы в плен пожаловал. Вот была бы потеха!..»

Вечером после работы я нашёл нужный мне дом и позвонил в звонок у ворот на заборе. Собаку не услышал. Дверь на участок мне открыл немолодой подтянутый мужчина.

– Здравствуйте. Я Саша. Мне Евдокия сказала, что я могу с вами посоветоваться.

– Проходи. У меня время есть. С чем пожаловал?

– Да, у меня затруднения. Сейчас есть возможность создать для себя место работы, но если это не получится, то я вообще останусь не у дел.

– Пойдём в дом. Там спокойно поговорим.

Мы пошли по уложенной камнями тропинке, поднялись на крыльцо, вошли в дом и оказались на кухне.

– Сейчас чай поставлю. Садись – указал он на стул и пошёл к плите.

– Что тебе к чаю? Есть баранки, халва, варенье. Я конфеты не покупаю: вредно в моём возрасте.

– Да, что вам лучше.

Платон Игнатьевич выставил на стол всё, о чём сказал, и стал разливать кипяток.

– Тебе травяной или обычный?

– Обычный. Евдокия наперёд напоила.

– Она может – протянул дядька с улыбкой.

Он сел за стол напротив меня и сказал – Рассказывай.

– Ну, вот, я сейчас работаю водителем. Езжу по деревням.

Принимаю ягоды и грибы и отвожу их сюда на базу в ЖБИ.

Начальство там цех арендует. Работа сезонная. Тут у меня

появилась возможность работать тем же от фармацевтики.

Но там, вроде бы, меня оформляют официально. Если новое

дело у меня не пойдёт, то я останусь без работы и там, и там.

А уезжать и жить после армии в общежитии пока не хочется.

– На теперешней работе у тебя перспективы есть?

– Нет. Не допустят.

– А на новой

– Не знаю.

– Вывод?

– Надо рисковать? Но, ведь, и та, и эта – сезонные. Не будут мне платить деньги за так.

– Это ещё неизвестно – сезонная или нет. Зимой собирают почки сосны, берёзы, шишки ольхи. Чагу, в принципе, можно. Если сезонная, то можно попробовать их убедить. У тебя получится.

– Почему вы так считаете?

– Иначе, Евдокия тебя ко мне не прислала бы. Считает, что ты перспективный.

– Откуда она знает? Я, конечно, придумаю, как её включить в работу, но тут от меня мало, что зависит по деньгам.

– Я не об этом. Ты думаешь не по шаблону.

– Я не понимаю. Она хочет вернуться в фармацевтику?

– Нет. Она, как я понимаю, имеет в виду, общий принцип твоего мышления. Помимо твоего предложения ей, вы о чём-то разговаривали?

– Я увидел у неё куклу без лица, ну и поговорили на эту тему.

– Как считаешь, сколько человек подняли бы эту тему за столом, приехав договариваться о работе?

– Не знаю. Наверное, мало.

– Никто.

– Может, кто-нибудь фольклором интересуется.

– Я имею в виду, в нашем городе. У тебя же, ведь, интерес тоже не просто так появился?

– Ну, да... я куклы случайно нашёл... и потом пошло ве-
зение.

– Платон Игнатъевич встал из-за стола и пошёл в другую комнату. Вернулся он из неё с такой же куклой, как у Евдокии и у меня, только в другой одежде.

– Такие?

– Нет. Только одна такая. Остальные совсем другие. Они похожи друг на друга по изготовлению, но разные.

Платон Игнатъевич показал мне куклу, чтобы у меня развязался язык, и это сработало.

– Они различаются по профессиям и по характеру.

– Ты что-нибудь слышал о рунах и картах таро?

– Читал. На них гадают.

– На то и другое нужно настраиваться. Может, эта кукла

– он посмотрел на свою – служит для настройки?

– Не знаю – не пробовал.

– Там, где нет ничего – есть всё. Любое может проявиться.

– Вы колдун?

– Нет. Я просто рассуждаю вслух.

Опять я себя почувствовал олухом. Такая же кукла всё время лежала в моём ящике. Чтобы защититься, нашёл изъ-ян.

– Они вообще из разных опер.

– Ну, это, с какой стороны посмотреть. Стилистически – из разных, практически – возможно, и из одной.

– Ну, и, что же мне делать?

– С чем.

– И с тем, и с другим.

– По работе: ты сам сказал, что там бег по кругу. Свобода – это риск. Я за тебя не могу решить твою судьбу. По куклам – тоже не знаю. С ними можно совсем не связываться. Отнести их куда-нибудь или сжечь. А, если связываться, то наработать тонкую настройку, чтобы они по тебе не шарахали куда попало.

Дядя мне не сказал ничего. Он озвучил всё то, что у меня и так бродило внутри. Но его проговаривание всё уложило в моей голове по полкам, и проявило моё решение, которое уже было принято, но скрывалось под ворохом страхов.

На прощание он предложил мне заходить к нему.

– Я живу один – сказал он – возможность пообщаться у меня есть.

Я попросил номер его телефона. Он его продиктовал, но предположил, что, если он куда-нибудь уедет, то телефон вряд ли поможет, а если мне будет по-настоящему нужно, то мы и так встретимся.

Я шёл домой, ясно понимая, что мне делать.

14

Перед сном я написал Глебу, есть ли у них зимний сбор почек сосны и берёзы, шишек ольхи, и сбор чаги. Пусть знает, что я уже в теме. А если нет, то пусть поймёт, что с такими, как я, можно начинать расширять производство.

Меня задолбали тяжёлые сны, поэтому перед тем, как лечь в кровать, я достал безликую куклу и пристально посмотрел на неё. Постоянно вынуждающие меня что-то предпринимать фигурки, были сейчас точно не нужны.

Снилось мне странное, но не тяжёлое. Я был свидетелем танцующих узоров. Я проживал во сне абсолютно бытовые ситуации, из которых состояла вся моя жизнь, но, ни одна из них не имела дна. Всё было безопорно и только виделось привычным. В этом сне я ощущал телом, что привычного вообще не существует. Всё только маскируется под привычное,

а, на самом деле, как беспокойный омут, волнуется в себе от множества внутренних течений. Меня спрашивали. Я отвечал. Чужие вопросы, мои ответы, окружающее, в котором мы разговаривали – всё было ложью. Не преднамеренной ложью, а автоматической попыткой упорядочить весь этот разброд силы, в её непредсказуемом движении. Вся моя двухмерная глупость, как и глупость всех остальных людей, оказалась вынужденной необходимостью. Она была придуманным льдом поверх непрекращающегося течения. Как можно остаться целым, если тебя разрывает в разные стороны потоками? Только притвориться, что всё твёрдое, и по-другому быть не может. В конечном итоге, силы на постоянное притворство кончаются, и каждого, рано или поздно, разрывает, но зато, перед этим, мир видится стабильным и предсказуемым. Я зачарованно наблюдал, как бытовая твёрдость мира была потоками, но оставалась твёрдостью. Как при падении мы автоматически выбрасываем вперёд руки, так при рождении мы автоматически начинаем глупить, и эта глупость захватывала меня своей отточенностью и неуязвимостью. Спасательный круг стабильности. Всё так – но не так. Всё не так, но так, как надо.

Проснулся я с какой-то воодушевлённостью. Мать была дома. Я увидел её на кухне, сказал «привет», обнял и поцеловал в голову. Мать была одновременно обескуражена и рада. Что делать в такой ситуации она не знала, и спросила, что у

меня произошло. Вопрос матери, её внимание, мои объяснения о намечающейся смене работы – всё это не имело значения. Всё это было вынужденным упорядочиванием беспредельности. Оказалось, что мы всегда были любовью. Не сами по себе, а её частями. Это позволение быть глупым, отдельным, несчастным, вымотанным являлось её милостью. Позволялось абсолютно всё, и это было красотой высшей целесообразности. Мне захотелось плюнуть на работу и пойти к Платону Игнатьевичу с тем, чтобы рассказать, что я знаю о жизни, но это не соответствовало моему плану. Играть – так играть. Я оделся и пошёл на работу.

В деревнях, как всегда, люди подходили, пересыпали, смотрели, как я взвешиваю, получали деньги и отходили. Но сегодня, словно в детстве, я видел контекст всего этого: как падает тень на их одежду и лицо, как, не шевелясь, стоят деревья вдалеке. Теперь я понимал художников, и сам хотел быть художником. В этой бытовухе была неповторимость. Всё исчезало, и всё моментально возникало заново. Как такое раньше могло надоедать? В невыразительную простоту всегда маскировалась беспредельность. Вспомнилось, как я в детстве тонул: ничего особенного – просто – тонул. Вот так, просто, в жизни происходит всё. Без истерик, заламывания рук и жалоб. Всё это личное беснование – сплошное переигрывание своей роли. Но даже эмоциональное переигрывание украшало действительность. Наверное, так и создава-

лись разные художественные стили. На чём заострялось внимание в жизни – такой аспект и стремился показать художник. Об эстетике всё уже говорено – переговорено до тошноты, но сейчас я понимал это беззвучно и естественно. Была всепоглощающая буквальность, и она не имела отношения к чувствам. Из эмоциональных усилий лепились маски, но сейчас они были не нужны. Всё скользило само по себе. Наверное, с таким отношением к жизни можно жить на любой работе. Это меня обнадеживало.

Дома меня ждал ответ Глеба Олеговича, и было непонятно, что это: партийная любезность или действительная заинтересованность. Глеб Олегович предлагал мне встретиться в городе и обговорить технические детали. Из нашего городка на мотоцикле за день туда обратно я управлялся запросто. Хоть это и не вежливо, но я обозначил несколько дней, когда я смогу с ним встретиться: с работы-то я пока не уволился. Естественно, объяснил почему не могу по-другому. Моя задача сейчас была: с пользой потратить время до выдвижения Виталия Аркадьевича. Надо было не только оформиться на работу, но и реально поставить дело на поток. Чем больше я думал о своей готовой структуре, тем проигрышной мне казалось положение дел. Драться с Лёвой, если ему дадут команду меня оттеснить от наработанных сборщиков? И зачем людям менять шило на мыло? Я полез в инет читать всё, что имело отношение к лекарственным растениям. Надо встре-

чаться и ехать к Евдокии.

15

Встретились мы с Глебом Олеговичем в маленьком кафе, указанным им, недалеко от здания, в котором размещалась партия. Наверное, он сюда ходил на перекус, когда заезжал к партийным бизнесменам. На встречу я пришёл со шлемом в руках, чтобы отпал вопрос об уместности моей одежды. Я заранее написал, что буду с мотошлемом для того, чтобы он меня узнал. Он сидел за столиком один, и поднял руку, когда я вошёл. Я пробрался между пустых столов, мы поздоровались, я сел. Тут же подошла официантка. Глеб Олегович сделал заказ на двоих.

– Дело, вот какое – начал он – у нас широкий ассортимент продукции. Что-то идёт лучше, что-то хуже. Сезон ощутимо влияет. Реклама. Сейчас пропагандируется здоровый образ жизни, и мы, естественно, отреагировали на это. У меня в машине рабочий материал для тебя: фотографии, описание растений с местами их произрастания. Это позже. Ты скажи, что у тебя по мощностям. Я начал другими словами пересказывать ему то, что уже написал.

– У меня есть знакомая фармацевт-травник. Для меня это очень облегчает дело. Во-первых, она там местная, и знает окружающих людей. Во-вторых, знает, где что собирать. И, в-третьих, может контролировать сборы, чтобы сено не носили. Дело в том, что идёт сезон сбора ягод, и люди занима-

ются опробованным делом. Как пойдёт новое дело – неизвестно. Пойдёт оно – точно, но непонятно – с какой скоростью. Возможно, имеет смысл начать с чего-нибудь одного, для того, чтобы людям было проще собирать, и они увидели бы, что их не обманывают, и платят по заявленным расценкам. Я посмотрел в интернете: за килограмм ягод и трав цена, приблизительно, одинаковая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.